

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-553-558

УДК 821.161.1

РЕЦЕНЗИЯ**А.Б. Криницын. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского: монография. М.: МАКС Пресс, 2017.****О.В. Золотько**

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля
(Государственный литературный музей), Музей-квартира Ф.М. Достоевского
ул. Достоевского, 2, Москва, Россия, 127473

**KRINITSYN A.B. STRUCTURE OF THE PLOT
IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS: MONOGRAPH.
MOSCOW, MAKS PRESS, 2017****O.V. Zolot'ko**

Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (State Literature Museum),
Museum-flat of F.M. Dostoevsky
Dostoevsky str., 2, Moscow, Russia, 127473

Поэтика произведений Ф.М. Достоевского, несмотря на длительную по времени традицию ее изучения, по-прежнему привлекает внимание исследователей благодаря своей сложности, побуждая искать новые стратегии ее интерпретации. По мнению Александра Борисовича Криницына, автора монографии «Сюжетология романов Ф.М. Достоевского», в толковании текстов Ф.М. Достоевского мы опираемся, как правило, на субъективное читательское восприятие сюжета: «Выделить сюжет значит предложить его концептуальное прочтение» (Криницын А.Б. С. 14)¹. Однако при таком подходе внимание к одним явлениям может обернуться недооценкой других: недостаточно прочитать роман Достоевского как «роман лица» (в классификации Л.В. Пумпянского) или «идеологический роман» (Б.М. Энгельгардт), но вернее будет признать, что он объединяет в себе различные формы организации сюжета.

А.Б. Криницын приходит к мысли о многоуровневой структуре произведений Достоевского. Эта идея отчасти уже высказывалась в работах М.М. Бахтина,

¹ Здесь и далее в круглых скобках ссылки на монографию: Криницын А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского.

Л.П. Гроссмана, Ю.М. Лотмана, А. Ковача, Б.А. Грифцова, Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова и др. Оригинальность концепции А.Б. Криницына заключается в последовательном выделении **шести сюжетных уровней** и описании механизмов их взаимодействия. Исследователем описаны сюжетные уровни: 1) евангельский, 2) символично-аллегорический, 3) мифологический, 4) романический, 5) идейно-психологический, 6) злободневно-политический.

Евангельский уровень включает в себя библейские прасюжеты, на которых строятся произведения Достоевского и которые входят в его тексты как обладающее авторитетом последней истины — слова Священного Писания. Например, в романе «Преступление и наказание» это сюжет о воскресении Лазаря, в романе «Бесы» сюжет об исцелении гадаринского бесноватого. Евангельский сюжет, по мнению исследователя, вступает в сложную взаимосвязь с *мифологическим уровнем*, эту связь можно описать как противоречие и даже взаимоотрицание. Но прежде мифологического, автор рассматривает *уровень символично-аллегорический*, который получает более однозначное прочтение. На наличие данного уровня указывал, по мнению автора монографии, еще Вяч. Иванов, отличая аллегорию от мифа, однако в его концепции эти планы были слиты в один мифологический. Элементы данного уровня А.Б. Криницын определяет формально: «аллегоризм прослеживается там, где автором предполагается сюжетное развертывание некоей идеологемы, в целях ее убедительной и наглядной демонстрации» (с. 72). Однако в конце главы автор все же отмечает, что данный уровень не всегда оформлен сюжетно и может быть только расстановкой действующих лиц (с. 79), т.е. фактически отменяет этот критерий. Более того, исследователь включает в данный уровень и стихотворные цитаты, которые в традиционном понимании являются внесюжетными элементами. Читатель может заметить, что в данный уровень автор помещает определенные «идеологические мифы», которые можно рассматривать как рассуждения о национальном характере, о судьбе России, развернутые в художественных образах (автор указывает на многочисленных двойников в произведениях Достоевского, которые олицетворяют собой противоположности русской души: Раскольников и Миколка, Мышкин и Рогожин, Шатов и Кириллов, Софья Долгорукая и Катерина Ахмакова, Дмитрий, Иван, Алеша Карамазовы и Смердяков). Вероятно, этот пласт идей Достоевского является, с точки зрения А.Б. Криницына, следующим по значимости и авторитетности после евангельских, и таким образом в обосновании сюжетных уровней устанавливается своеобразная иерархия идей Достоевского. С другой стороны, элементом данного уровня может быть и евангельский сюжет, если он получает в произведении однозначное толкование. По мнению автора, так происходит в «Преступлении и наказании» и в «Бесах».

Следует признать, что неопределенность основного критерия дифференциации явлений данного уровня создает впечатление непоследовательности в анализе. Впрочем, по замечанию автора, она обусловлена природой самих произведений Ф.М. Достоевского: «идеологический аллегорический сюжетный план имеет разный масштаб значимости в структуре каждого из романов» (с. 72). Анализ стихотворных текстов в качестве элементов данного уровня, вероятно, указывает на

наличие жанрового критерия в отборе; в данной главе исследователь рассматривает и прозаическое произведение Ивана Карамазова о Великом Инквизиторе на том основании, что сам герой называет его «поэмой», при этом весьма любопытно и справедливо наблюдение автора: «это означает, что идеобраз мыслится героями преимущественно в стихах» (с. 87). А.Б. Криницын указывает на сюжетообразующую роль стихотворных цитат в текстах Достоевского, так как они проецируются на события романа и являются как бы свернутыми «сюжетными пропозициями» (с. 79).

К глубоким обобщениям о мифологическом слое в сюжетах Ф.М. Достоевского исследователь приходит в главе о *мифологическом сюжетном уровне*. А.Б. Криницын выделяет: 1) мифы, полемически переосмысляющие евангельские прасюжеты («мифы-контрапункты»), 2) мифы «сквозные, не поддающиеся однозначной интерпретации», «обусловленные скорее всего глубинными творческими интуициями и психологическим опытом писателя», «первичные аукториальные мифы» (с. 105), 3) мифологические построения самих героев, их «идеи».

Весьма оригинальной представляется у автора монографии концепция мифов-контрапунктов у Достоевского, она объясняет «загадочную логику построения судеб главных героев»: «проецируя евангельскую истину на уровень романного сюжета, т.е. применяя ее к реальной жизни, Достоевский кладет ее в сюжетную основу нового, персонального мифа, переосмысляя при этом первоначальный евангельский мотив, создавая ему контраргумент с позиции нехристианского мышления» (с. 106). Автор следует признанию самого писателя о своем методе «проташить» героев через «pro и contra» [7; 155]¹, но оказывается, что в построении сюжета позиция «нехристианского мышления» берет верх. События романа соотносятся с евангельским сюжетом о чуде, но чуда божественного вмешательства так и не происходит: воскресение Раскольникова (Лазаря) не показано, Мышкин («Князь-Христос») никого не спасает и сам сходит с ума, не исцеление, а гибель одержимого бесами происходит в романе «Бесы» и т.д. Однако с точки зрения А.Б. Криницына, эта внутренняя полемичность сюжета, «мучительный диссонанс все равно преодолевается, и заново утверждается евангельская идея» (с. 117); к сожалению, автор не показывает, какими сюжетными средствами это преодоление достигается.

Очень интересен раздел о «первичных аукториальных мифах» Достоевского, в котором автор на обширной цитатной базе доказательно обобщает лейтмотивы, имеющие мифологическую природу у Достоевского: миф о спасительной жертве и ритуальном убийстве, миф о «человекобоге», прощение матери-Земли, мифологический дуализм героев, «покаянное» соединение с жертвой, «мистический» любовный треугольник. «Идеи», принадлежащие самим героям, исследователь рассматривает в главе о другом, *идейно-психологическом*, уровне, хотя говорит об

¹ Цитаты из произведений Ф.М. Достоевского приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л., 1972—1989. В квадратных скобках приводятся номер тома, после точки с запятой — номер страницы.

их мифологической иррациональности и упоминает в ряду других мифологических построений.

В разделе о *романическом уровне* автор детально анализирует черты различных жанров романа — бульварного, семейного, и, в особенности, авантюрного — и соответствующие им сюжетные построения. Чрезвычайно интересны наблюдения А.Б. Креницына над творческим процессом оформления первоначального замысла в сюжет, в котором герой «предстает нам не как характер, тип или голос, а как функция перехода идеи в событие» (с. 249).

В главе об *идейно-психологическом уровне* автор представляет идеи героев-идеологов как неразложимое эмоционально-рациональное единство, вводит понятие «идеобраз», следуя логике самого писателя, говорившего об «идее-чувстве». Рассуждая о психологических условиях формирования идеи, о типе «мечтателя» и «подпольном типе», А.Б. Креницын опирается на положения предыдущей его монографии «Исповедь подпольного человека» (М.: МАКС Пресс, 2001). Помимо содержательного плана в описании данного уровня не менее важными оказываются и жанровые традиции романа воспитания, философской повести и литературной исповеди.

На периферии сюжетной структуры оказывается *злободневно-политический уровень*, представляющий политические взгляды писателя, главным образом, через изображение отрицательных героев, носителей противоположных взглядов (например, Лебезятникова в «Преступлении и наказании», Ракитина в «Братьях Карамазовых» и др.).

В вычленении исследователем различных сюжетных уровней можно заметить совмещение различных критериев — внимание к содержательному плану, композиционно-речевому оформлению и жанровым связям. В последовательности изложения шести уровней можно усмотреть иерархию стоящих за ними идей: христианская антропология, эсхатология, историософия писателя очевидно более значимы в его романах, чем их любовная интрига. С другой стороны, помещение идейно-психологического уровня следом за романическим, вероятно, обусловлено уже иными причинами, связанными с жанровыми традициями: философская повесть, с жанром которой соотносится идейно-психологический план, «спорит» с бульварным романом: «с романическим сюжетным уровнем идейно-психологический находится в отношениях дополнительной дистрибуции: будучи взаимоисключающими, они постоянно конкурируют, оспаривая друг у друга главенствующее место в романе» (с. 356). Автор монографии основывает свою концепцию на принципе отрицания каждым следующим уровнем предыдущего, что придает ей диалектическую динамику.

В последней главе исследователь проводит интереснейший анализ сюжетных уровней в основных крупных произведениях Ф.М. Достоевского.

Только по прочтении книги становится понятным ее заглавие. Название «Сюжетология романов Ф.М. Достоевского» при буквальном его понимании претендует на существование особенного раздела сюжетологии, учения о сюжете в романах Ф.М. Достоевского. Тем не менее, это «нескромное» название оправдано, так как монография А.Б. Креницына, представляя собой глубокий концептуаль-

ный анализ творчества Ф.М. Достоевского, кроме всего прочего, является энциклопедией различных сюжетных конструктов и механизмов их функционирования. Они органически связаны автором с различными сюжетными уровнями произведений Достоевского и распределены по главам книги, но представляют интерес не только в связи с творчеством Ф.М. Достоевского. В их числе: типы «компонентов динамического развития» (данным термином А.Б. Креницын обозначает «отрезки текста, различные по повествовательному материалу и выстроенные по степени насыщенности действием и увеличению сюжетного напряжения» (с. 197)) — в соответствии с их классификацией автор приводит схемы всех романов «пятикнижия» (с. 201—207); оригинальная поэтика «предварительного рассказа», различные типы предысторий героев (с. 249—258); поэтика скандала; классификация героев (отметим не только в связи с данной темой, что автор приводит ссылки на многие любопытные исследования, в том числе и зарубежных авторов — тем более досадно отсутствие общей библиографии в конце книги); понятие «сверхпоступка», который должен изменить «бытие героя и весь мир вокруг него» (с. 326); понятие «микродиалога» (с. 349), которым автор обозначает типичный для героев Достоевского монолог, имеющий лишь «диалогические обертоны», но не дотягивающий до межличностного диалога (в данном вопросе Креницын полемизирует с концепцией диалогизма М.М. Бахтина); бинарные структуры (от полной антитезы до удвоения и пародии), с помощью которых можно описать семантические связи героев и их идей (с. 402—403).

Особого внимания заслуживают таблицы, наглядно обобщающие наблюдения автора, и схемы, изображающие жизнь идей в произведениях Достоевского (например, соотношение идей Шатова и Верховенского (с. 184), идейно-психологическая и жанровая линии напряжения (с. 249), круг идей романа «Подросток» (с. 433) и многие др.).

Книга А.Б. Креницына выводит изучение поэтики Ф.М. Достоевского на новый уровень обобщений и будет несомненно интересна всем изучающим его творчество и историю русского романа.

© Золотько О.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 мая 2017

Дата принятия к печати: 30 мая 2017

Для цитирования:

Золотько О.В. Рец.: Креницын А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского: монография. М.: МАКС Пресс, 2017 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 553—558. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-553-558

Сведения об авторе:

Золотько Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Государственного литературного музея) «Музей-квартира Ф.М. Достоевского». Контактная информация: e-mail: zolga13@yandex.ru

Article history:

Received: 2 May 2017

Revised: 30 May 2017

Accepted: 30 May 2017

For citation:

Zolot'ko O.V. (2017) Krinitsyn A.B. Structure of the plot in F.M. Dostoevsky's novels: monograph. Moscow, MAKS Press, 2017. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 553—558. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-553-558

Bio Note:

Zolot'ko Olga Vyacheslavovna, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (State Literature Museum), Museum-flat of F.M. Dostoevsky, Moscow. *Contacts:* e-mail: zolga13@yandex.ru